

A black and white close-up portrait of a man with short, dark hair, looking slightly upwards and to the right. He is wearing a dark suit jacket over a white collared shirt. The background is dark and out of focus.

**ОЛЕГ
НЕЧИПОРЕНКО**

КГБ

**И ТАЙНА СМЕРТИ
КЕННЕДИ**

Олег Нечипоренко

КГБ и тайна смерти Кеннеди

«Алисторус»

2013

Нечипоренко О. М.

КГБ и тайна смерти Кеннеди / О. М. Нечипоренко —
«Алисторус», 2013

Автор этой книги, полковник КГБ в отставке, ветеран внешней разведки Олег Нечипоренко, по долгу своей службы встречался с различными людьми. Был среди них и убийца американского президента Ли Харви Освальд. Так что занимаясь расследованием трагических событий в Далласе, автор использует не только результаты аналогичных зарубежных и отечественных исследований, но собственные воспоминания и впечатления. В книге представлены ранее засекреченные материалы, уникальные советские и американские документы, касающиеся техасского убийства, рассмотрены новые версии покушения на Джона Кеннеди. Кем был Ли Харви Освальд: агентом советских спецслужб или убийцей-одиночкой? Полковник КГБ приподнимает железный занавес над этой тайной, которой уже 50 лет.

© Нечипоренко О. М., 2013

© Алисторус, 2013

Содержание

От автора	5
Трагическая загадка Далласа	6
Глава 1	11
КТО КОГО?	11
НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ ТУРИСТ, или ПЕРВЫЙ РАУНД	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Олег Максимович Нечипоренко

Убийство президента. КГБ и тайна смерти Кеннеди

От автора

В 1993 году в США на английском языке вышла моя книга «Паспорт на убийство». Настоящее издание представляет собой ее переработанный и дополненный вариант.

Книга едва ли состоялась бы без участия и помощи многих людей. Поэтому пользуюсь случаем, чтобы выразить глубокую благодарность за оказанное содействие руководству Службы внешней разведки России, тогдашнего российского Министерства безопасности и КГБ Беларуси, а также сотрудникам перечисленных организаций, уделившим мне свое внимание и время в период работы над архивными материалами.

Сердечно признателен всем друзьям-коллегам, которые дополнили книгу живыми воспоминаниями о событиях, так или иначе связанных с далласской трагедией.

Также премного благодарен экспертам в отдельных областях знаний, особенно специалистам по баллистике ГУВД Москвы. Они своими оценками помогли мне лучше осмыслить суть ряда вопросов.

Мой поклон авторам, чьи работы в той или иной мере использовались при подготовке книги. Независимо от того, разделяю ли я теории различных исследователей, они были для меня весьма важны, поскольку позволяли смотреть на проблему Далласа с разных, подчас прямо противоположных, точек зрения и тем самым стимулировали творческую мысль.

Я в большом долгу перед Джозефом Ричи – бывшим представителем американской телекомпании «Си-би-эс ньюс» в Москве и бывшим московским корреспондентом этой компании Энтони Мейсоном, с пониманием отнесшимися к моим информационным нуждам и снабдившими меня изданиями, которые, как мне известно, очень непросто найти в США. Сравнительный анализ этой литературы был для меня не менее важен, чем исследование архивных материалов советских органов госбезопасности.

Трагическая загадка Далласа

(вместо предисловия)

В конце ноября 1963 года в тexasском городе Далласе в течение трех дней прогремело восемь выстрелов, жертвами которых стали три человека: тридцать пятый президент США Джон Фицджералд Кеннеди, патрульный полицейский офицер Типпит и предполагаемый убийца их обоих, бывший морской пехотинец Ли Харви Освальд. Тяжело был ранен также находившийся в одном автомобиле с президентом губернатор штата Техас Джон Коннелли.

Если прибегнуть к театральной терминологии, потрясшее Америку (да и не только ее) «представление наяву», которое началось с далласской трагедии и продолжается по сей день, распадается как бы на три действия.

В действии первом, самом скоротечном, происходит завязка и развязка трагедии. Все развивается по канонам древнегреческого театрального искусства: единство места, времени и действия. Главные герои одновременно появляются на авансцене, исполняют свои роли и уходят навсегда не только с подмостков, но и из жизни. Все события укладываются в несколько дней.

В четверг, 21 ноября, посещением города Хьюстон президент Кеннеди начинает свой давно планировавшийся визит в штат Техас.

В тот же день Ли Харви Освальд, работавший в Далласе на складе школьных учебников и живший отдельно от семьи, после смены просит своего сослуживца подбросить его к жене – благо сослуживец обитал по соседству с домом в пригороде Далласа, где она квартировалась. Поскольку такой визит не вписывается в обычные посещения семьи по пятницам, Освальд объясняет поездку необходимостью забрать «палки для занавесок», чтобы перевезти их в снимаемую им в городе квартиру. Вечер и ночь он проводит в кругу семьи, играет с детьми, какое-то время находится в гараже хозяев дома – здесь у него, завернутая в одеяло, хранится ранее приобретенная винтовка с оптическим прицелом. Вечером происходит разговор с женой, которая отвергает его предложение снять квартиру и съехаться. По существу, разговор заканчивается ссорой.

Утром 22 ноября Освальд с тем же сослуживцем возвращается в город, имея при себе бумажный самодельный сверток продолговатой формы, который он пронесит на склад учебников.

С небольшой разницей во времени в Даллас прибывает президент. На аэродроме перед посадкой в машину, как бы предчувствуя судьбу, он произносит пророческую фразу: «Если кто-нибудь действительно желал бы застрелить президента Соединенных Штатов, это не составило бы труда: единственное, что убийце нужно было бы сделать, – это найти высокое здание и винтовку с оптическим прицелом, и никто не смог бы ничего предпринять, чтобы защитить президента от такого покушения».

С аэродрома автокортеж начинает движение по улицам города, направляясь на противоположную окраину, где запланирован официальный прием и обед. Поскольку шедший всю ночь дождь прекратился и выглянуло солнце, прозрачный верх из стекла не был поднят над кузовом автомашины президента, что позволило собравшимся тexasцам увидеть его воочию в непосредственной близости. Маршрут проходил по центральной деловой части Далласа, улицы которого были заполнены встречающими президента горожанами. Кеннеди дважды останавливал машину и выходил для приветствия. Неоднократно кортеж, и так двигавшийся с малой

скоростью, практически останавливался: толпа почти перекрывала пространство для продвижения.

Около половины первого пополудни автомашина с президентом выехала на площадь Дили-Плаза, проследовала мимо здания склада школьных учебников и стала удаляться от него. Один за другим, с промежутком в несколько секунд, сзади сверху прогремели три выстрела. Одна пуля поразила президента в спину, вышла через шею и ранила сидевшего впереди губернатора. Последний выстрел стал роковым – пуля пробила голову Кеннеди. На часах было 12:30.

Первым, кто вбежал в здание склада, оказался полицейский патрульной службы Бейкер. На втором этаже около буфета он заметил и остановил человека, державшего в руках бутылку кока-колы. Шедший следом администратор склада Трули признал в нем своего служащего, о чем сказал Бейкеру, и они побежали на шестой этаж, откуда предположительно стреляли по президенту. Этим служащим был Ли Харви Освальд, и встреча произошла спустя минуту-полторы после третьего выстрела.

Еще через полторы минуты Освальд беспрепятственно покидает склад, пешком, а затем на автобусе и такси добирается до своей комнаты, снимаемой в городе, быстро переодевается, берет с собой револьвер и направляется в сторону малолюдной жилой зоны города. В это время по полицейской радиосети уже передают описание внешности предполагаемого убийцы президента. На одной из пустынных улиц около Освальда тормозит полицейская патрульная машина, и офицер просит его остановиться, после чего следует краткий разговор через окно. Патрульный полицейский Типпит выходит из машины и начинает огибать ее, чтобы подойти к Освальду. Последний трижды в упор стреляет в приближающегося полицейского и четвертый раз – в уже лежащего на земле. Прошло сорок пять минут с момента покушения на президента.

Освальд, перезаряжая револьвер, бегом удаляется с места происшествия и на ходу снимает и бросает в кусты куртку. Пройдя несколько кварталов, он, не взяв билета, проскальзывает в зал кинотеатра. Заподозривший неладное свидетель его поведения предлагает кассирше вызвать полицию. Прибывшие полицейские не без борьбы задерживают Освальда и доставляют в городское полицейское управление. Принадлежащая ему винтовка, найденная на шестом этаже склада, уже находится здесь.

Освальд упорно повторяет, что он непричастен к покушению на президента, проходя мимо телекамер, выкрикивает, что ни в чем не виноват, что он козел отпущения. На допросах полностью отрицает свою вину. Тем не менее в ночь на 23 ноября ему официально предъявляется обвинение в убийстве президента. В тот же день проводится короткая пресс-конференция с его участием, Освальд стоит на своем. Властями принимается решение о переводе его утром в воскресенье, 24 ноября, из камеры полицейского управления в муниципальную тюрьму.

В воскресное утро подвальное гаражное помещение полицейского управления Далласа заполнили полицейские в форме, детективы в штатском, шерифы в знаменитых техасских шляпах, сотрудники ФБР. В нетерпеливом ожидании толпились допущенные журналисты, над ними возвышались юпитеры и телекамеры на треногах. Все пришло в движение, когда из глубины гаража, у лифта показался Освальд в сопровождении двух дюжих шерифов, с одним из которых он был скован наручниками. Вспыхнули юпитеры, заработали камеры, репортеры тянули к приближающимся микрофоны, выкрикивая вопросы. Шла прямая трансляция, миллионы американцев прильнули к экранам телевизоров. Внезапно в кадре возникла рука с револьвером, направленным в сторону конвоируемого, затем спина и голова в серой шляпе. Выкрикнув: «Ты убил президента, крыса!» – человек выстрелил Освальду в живот. Началась свалка, сбитый на пол стрелявший кричал: «Я Джек Руби, вы все знаете меня».

Освальд умер, не приходя в сознание, в том же Парклендском госпитале, где за двое суток и семь минут до этого скончался президент Кеннеди. Обоих похоронили в один день, 25 ноября 1963 года, с разницей в два часа. Опустился занавес, завершилось первое действие...

29 ноября тридцать шестой президент Соединенных Штатов Линдон Джонсон, до покушения бывший вице-президентом и принявший присягу в самолете в день гибели Кеннеди, своим указом учредил специальную государственную комиссию по расследованию его убийства. Комиссия, состоявшая из семи видных государственных деятелей Америки, получила название «Комиссия Уоррена», по имени ее председателя, судьи Верховного суда Эрла Уоррена. Большой аппарат сотрудников, приданный комиссии, приступил к делу.

Прозвенел звонок. Началось второе действие.

Девять месяцев продолжалась повседневная кропотливая работа по восстановлению истинной картины происшедшего в Далласе 22 ноября 1963 года. В расследовании принимали участие ФБР, ЦРУ, Служба разведки Военно-морского флота, Секретная служба (охрана президента), полиция Далласа и Нового Орлеана. Были осуществлены сотни экспертиз, взяты показания у 552 свидетелей, приобщены многочисленные вещественные доказательства, проведены следственные эксперименты. Итоги проделанной работы сконцентрировались в заключительном докладе комиссии, опубликованном 27 сентября 1964 года. Помимо тома основных выводов было издано 26 томов, содержащих показания свидетелей и другие рабочие материалы.

Заключение Комиссии Уоррена звучало однозначно: убийство президента Кеннеди совершено одним лицом – Ли Харви Освальдом. Иностраный или внутренний заговор не имел места.

Второе действие формально завершилось, но зрители не думали расходиться. Теперь они превратились в действующих лиц, и стало разворачиваться действие третье – самое продолжительное, длящееся вот уже более 30 лет.

Третье действие зарождалось в ходе второго: параллельно с работой Комиссии Уоррена начались многочисленные независимые расследования, выдвигались версии «широко разветвленных» иностранных и национальных заговоров, росло количество стрелков и число выстрелов на Дили-Плаза, разыскивались свидетели с сенсационными показаниями. Американцы любили президента Кеннеди. Они видели в нем воплощение американской Идеи: свободное демократическое государство, способное защитить свои национальные интересы по всему миру. Убить такого президента – значит посягнуть на американскую Идею. Как можно было поверить заключению Комиссии Уоррена, что это сделал невзрачный фантазер-одиночка, вооруженный старой винтовкой, преодолев мощную президентскую охрану? Нет, нужно искать тайные силы, подрывным антиамериканским интересам которых противостоял президент. Положительно восприняла выводы комиссии меньшая часть американского общества. Большинство же весьма критически оценивало их. Преобладало мнение, что расследование велось тенденциозно, главной целью было доказать, что действовал убийца-одиночка, и в интересах правительства скрыть от общественности подлинных вдохновителей и исполнителей покушения.

В последующие годы вал неофициальных расследований и исследований нарастал, сторонники существования заговора довели число версий до трех десятков. За истекшие десятилетия по этой теме вышли тысячи и тысячи публикаций – от газетных заметок до фолиантов в несколько сот страниц. Время перемешало добросовестных искателей истины с предприимчивыми производителями «новых доказательств» и «сенсационных разоблачений». Но главным является то, что все, кто занимался исследованием далласской проблемы, работали практически на основе одного и того же информационного массива. Одни и те же факты служили «подтверждением» взаимоисключающих версий, в зависимости от аналитических способностей и личных пристрастий их авторов. В результате вокруг отдельных эпизодов, в частности из биографии Освальда, накопилось огромное количество невероятных домыслов и спекуляций. И в их ряду, пожалуй, первое место принадлежит «версии» о «русском следе» Освальда – ведь он два с половиной года жил в СССР.

Весть о «русском следе» предполагаемого убийцы президента с молниеносной быстротой разнеслась по всему миру уже на следующий день после покушения в Далласе.

Газетчики ринулись в советские учреждения за рубежом за дополнительной информацией. Но их встретила... стена молчания. Советские должностные лица понятия не имели, кто такой Освальд, когда и что он делал в СССР, имел ли контакты с его представителями после возвращения в США.

Московское руководство само находилось в шоке, стремилось разобраться, что к чему, и понять, чем все это может кончиться. Никаких указаний или разъяснений из столицы в первые дни не поступало. Естественно, недостаток или неопределенность информации по тому или иному вопросу всегда порождает слухи, домыслы, спекуляции. Так произошло и на сей раз. Немедленно появилась «версия» о причастности Советского Союза к событиям в Далласе: Освальд и его русская жена – агенты КГБ, он прошел специальную подготовку в России и был направлен в США с целью убийства президента. Ажиотаж немного спал после приезда на похороны Кеннеди первого заместителя председателя Совета министров СССР Анастаса Микояна, который передал администрации США некоторые официальные документы, касающиеся пребывания Освальда в Союзе, и сделал устные заверения о непричастности СССР к покушению.

В ходе работы Комиссии Уоррена белое пятно в биографии Освальда (проживание в Советском Союзе) постепенно исчезало по мере того, как выслушивались показания его вдовы Марины, изучалось содержание «политического дневника», предположительно написанного им уже после возвращения в Америку, анализировались отдельные материалы американских спецслужб и других официальных учреждений США. В ответ на обращения американской стороны в условиях той политической ситуации советские власти предоставили лишь отрывочные данные о жизни Освальда в Союзе. И это притом, что недостатка в них не было. Ведь практически с первого дня появления Освальда на советской земле он попал в поле зрения органов государственной безопасности, а с декабря 1959-го вплоть до дня отъезда в мае 1962 года находился под колпаком КГБ, разрабатывался по оперативному делу «Шпионаж американский». На день сдачи дела в архив (в связи с отъездом его фигуранта) оно насчитывало шесть объемистых томов.

В феврале 1964 года изменил Родине и перебежал на Запад руководящий работник советской контрразведки Юрий Носенко. На допросах в США он заявил, что имел непосредственное отношение к делу Освальда (это соответствовало действительности) и что КГБ не рассматривал его ни как источник разведывательной информации, ни как потенциального кандидата на вербовку в качестве агента. Он охарактеризовал его поведение в Союзе и негативное в целом отношении к нему со стороны органов госбезопасности. Однако ЦРУ, в распоряжении которого находился Носенко, отнеслось к сообщению с большим недоверием, считая перебежчика подставой (агентом) КГБ, а его сведения – кознями Советов с целью дезинформации американцев по делу Освальда. В результате Носенко не вошел в число свидетелей по покушению в Далласе, не был официально допрошен Комиссией Уоррена и его информация по Освальду, то есть по «русскому следу», не нашла отражения в заключительном докладе Комиссии. ЦРУ, изолировав Носенко в одиночном бункере на три с половиной года, безуспешно пыталось облачить его как подставу, применяя физическое и психологическое воздействие.

Так, в обстановке холодной войны и жесткого противоборства спецслужб, сложилась ситуация, когда в течение 30 лет на одной стороне плодились фантазии об отношениях предполагаемого убийцы президента США и советского КГБ, а другая, располагая подробной и достоверной информацией об этих отношениях, не спешила сделать ее достоянием гласности, подчас и в ущерб себе. И здесь особое место занимают сведения о двух визитах Освальда в советское посольство в Мехико за два месяца до покушения в Далласе. Поскольку подробности посещения и содержания бесед с ним в консульском отделе никогда за 30 лет не оглашались, этот эпизод оброс многочисленными антисоветскими измышлениями. В то же время сведе-

ния о поведении визитера и характере разговоров с ним безболезненно для советской стороны могли быть переданы Комиссии Уоррена и иметь определенное значение при анализе действий Освальда в Далласе. Но общеизвестно, что История не терпит сослагательного наклонения. Прежние решения, кажущиеся неразумными сейчас, принимались в конкретной обстановке с учетом и под воздействием определяющих факторов того момента. Ну а что же теперь?

Завершилось двухполюсное противостояние мира: социализм – капитализм. Понятие «холодная война» воспринимается как исторический отрезок времени, закончившийся во второй половине 1980-х, с 1991 года стали достоянием истории Советский Союз и КГБ, прекратившие свое существование как действующие реальности. В новых условиях появилась возможность устранить некоторые белые пятна далласской трагедии, в частности «русский след» Освальда, достоверно поведав о нем и на документальной основе показав истинный характер его взаимоотношений с КГБ. В 1993 году в США вышла моя книга «Паспорт на убийство» (*Passport to assassination. New York, 1993*), как мне кажется, закрывшая тему «русского следа». Но сложилась парадоксальная ситуация: теперь американская сторона продолжает держать в строгом секрете большой объем материалов по делу о покушении. А это означает, что сохраняется основа для подозрений, домыслов и спекуляций. Сохраняется источник подпитки психологической травмы американского общества, которую унаследуют даже новые поколения. Иллюстрацией могут служить результаты социологического опроса американцев, проведенного телекомпанией «Си-би-эс» в октябре 1993 года. Ответы на вопрос «Кто был причастен к убийству Джона Кеннеди?» распределились следующим образом: «Ли Харви Освальд в одиночку» – 11 %; «ЦРУ» – 49 %; «мафия» – 37 %; «кубинцы» – 22 %; «Советский Союз» – 13 %.

Следует подчеркнуть, что только 8 % американцев, родившихся после 1963 года, считают Освальда убийцей, а двое из троих подозревают в содеянном ЦРУ

Размышляя над всем этим, невольно задаешься вопросом: а что, если в третьем действии в течение более 30 лет меньше усилий действительно направлялось на прояснение истинной картины покушения, а больше на то, чтобы мистифицировать события, придать очевидным фактам «тайный» смысл, подбросить головоломные «версии», подогревая свойственную американцам тягу к детективным сюжетам? Ведь это давало некоторым лицам неплохие дивиденды. Возможно, здесь и кроются причины незавершенности действия третьего? Тем более что судьба клана Кеннеди может претендовать на роль самой трагической в истории уходящего века. Прошло всего полтора года после гибели племянника президента Джона Кеннеди, разбившегося на горнолыжной трассе, как последовали новые смерти! В авиакатастрофе гибнут 38-летний Джон Кеннеди – младший, его жена и ее сестра. А всего месяц спустя после этой катастрофы, потрясшей мир, новое сообщение: в возрасте 40 лет скончался от рака его двоюродный брат Энтони Радзивилл, сын сестры Жаклин Кеннеди. Именно он три года назад был свидетелем на свадьбе погибших Кеннеди-младшего и его жены Кэролин...

Но не все смерти списаны на рок. Не успели близкие и друзья погибших в авиакатастрофе снять траур, как в США поползли слухи: падение самолета, который пилотировался Кеннеди-младшим, – результат «заговора с целью убийства единственного сына бывшего президента». Появились версии: Кеннеди-младший, издатель и главный редактор журнала «Джордж», приступил к расследованию обстоятельств гибели своего отца и тем самым разбудил страшных врагов. Якобы сын убитого в Далласе президента получал открытые угрозы и настоятельные предложения не ворошить ту трагедию...

Близится к концу четвертое десятилетие со дня «убийства века». Уже подросли новые поколения, не очень осведомленные об обстоятельствах того покушения, но его эхо периодически прокатывается по всей планете, и всякий раз с ошеломляющими сенсационными отзвуками. «Теория заговора» снова и снова выплывает на поверхность.

Глава 1 ФАКТЫ

КТО КОГО?

Этот раздел написан как предисловие к книге «Паспорт на убийство», вышедшей в США в 1993 году, и первоначально был рассчитан только на американского читателя: ведь в США очень мало знают о быте и обстановке в СССР 1950–60-х годов.

Однако я решил включить его и в это издание, так как для молодых читателей сегодня СССР того времени почти такая же *terra incognita*, как и для американцев.

* * *

За окнами поезда мелькали припорошенные свежим снегом деревеньки, перелески, дачные поселки родного Подмосковья. Было утро одного из первых дней декабря 1959 года.

Около двух недель назад, когда поезд уносил меня в обратном направлении – из Москвы на Запад, снега еще не было, стояли довольно хмурые осенние дни ноября, и настроение мое было под стать погоде, хотя я старался этого не показывать.

Дело в том, что я, как оперуполномоченный одного из отделов Московского управления КГБ, был включен в состав группы молодых выпускников советских высших учебных заведений, выезжающих в Шотландию по линии недавно организованного Бюро молодежного туризма «Спутник». Официально являясь заместителем руководителя группы, на самом деле я должен был, как тогда говорили, «осуществлять обязанности по ее контрразведывательному обслуживанию». В те времена такое «обслуживание» туристских групп только-только внедрялось в практику, но впоследствии, по мере расширения зарубежного туризма в составе группы (индивидуального туризма, если дело касалось поездок за пределы Союза, тогда фактически не существовало), оно стало привычной рутинной практикой советских органов госбезопасности.

Мне уже довелось в течение нескольких месяцев поработать в составе персонала советского павильона на Всемирной выставке в Брюсселе в 1958 году, так что кое-какой контрразведывательный опыт в условиях заграницы был приобретен. Но там я работал в оперативной группе, рядом с опытными старшими коллегами, в постоянном контакте с резидентурой КГБ, а сейчас на меня ложилась полная ответственность за любые ЧП, которые могли произойти с каждым отдельным туристом или с группой в целом, причем я был оторван от советского посольства и резидентуры в Лондоне плюс было известно, что английские спецслужбы проявляют пристальное внимание к приезжающим советским гражданам.

Действительно, такое внимание мы ощущали на себе в течение всей поездки. Начать хотя бы с того, что, как случайно выяснилось, сопровождавший нас гид изучил русский язык во время службы в частях специального назначения английской армии. Общась с нами, «обкачивали» русский язык слушатели разведшколы, расположенной то ли в окрестностях города Данди, то ли вблизи Абердина. Позднее некоторые из них с ответным визитом приехали в Москву в составе такой же молодежной группы шотландских туристов. От общения с нами «не удержались» и преподаватели этой школы, часть которых была из числа русских эмигрантов, а часть – из так называемых перемещенных лиц, бывших советских граждан, осевших на Западе после Второй мировой войны. Очевидно, они испытывали потребность в пополнении языка свежими российско-советскими словообразованиями для использования в своей преподава-

тельской деятельности. Кстати, при проверке уже в Москве по учетам КГБ выяснилось, что некоторые из тех, кто общался с нами, во время войны сотрудничали с нацистами.

Любопытные эпизоды происходили при нашем размещении в отелях. Однажды мы остановились в типично английском старинном особняке из тех, что описаны в классической литературе: со скрипучими лестницами и просторной гостиной с темной деревянной обшивкой стен. Нам объяснили, что этот дом полностью предоставлен в наше распоряжение и находится в нем будет только наша группа. Вечером того же дня из одного из помещений, примыкавшего к холлу первого этажа, до нас донеслись какие-то звуки и человеческие голоса. Кто-то из наших, памятуя, что в большинстве старых английских домов обитают привидения, решил полюбопытствовать и приоткрыл ведущую туда дверь. В комнате наподобие небольшой гостиной в свободных позах расположились несколько бравых молодых людей вовсе не призрачного вида, которые с удовольствием потягивали пиво. Стороны обменялись изумленными взглядами, после чего «привидения» притихли и шум за дверью прекратился. Вероятно, таким образом кто-то решил попрактиковаться в русском языке, но на сей раз – без прямого контакта.

В целом поездка проходила в обстановке гостеприимства и доброжелательности, обоюдным дружеским контактам способствовали и некоторые познания ряда членов группы в английском языке. Но без ЧП все же не обошлось. В середине поездки во время одной из ночевек впала в истеричное состояние одна участница группы, к тому же жена высокопоставленного комсомольского лидера из Московской области (сам он оставался дома, в Союзе). Хорошо, что в группе оказались супруги-медики, которые полночи приводили ее в нормальное состояние, однако предупредили, что сильная депрессия может повториться, и с более серьезными последствиями. Так как они считали, что для предотвращения рецидива было бы полезным, чтобы мужская часть группы уделяла ей максимум внимания, мне пришлось попросить моих доверенных лиц из числа ребят, чтобы в оставшееся время они во имя общих интересов поочередно ухаживали за этой особой. Надо признать, что они молодцы: действительно окружили ее заботой, в глаза и за глаза, но так, чтобы она слышала, говорили в ее адрес комплименты. И это сработало – до конца поездки, вплоть до пересечения советской границы, улыбка не сходила с ее лица.

В последний день пребывания в Великобритании, пока члены группы знакомились с достопримечательностями столицы и тратили шиллинги на сувениры, мне пришлось провести полдня в лондонской резидентуре КГБ, отчитываясь по результатам увиденного и услышанного во время поездки.

Я позволил себе расслабиться только тогда, когда на обратном пути наш поезд пересек советскую границу в Бресте и каждый мог убедиться, что поголовье вверенного мне «стада» такое же, что и при выезде.

Пока на вагонах меняли колесные тележки для перехода на другую ширину железнодорожной колеи (в Советском Союзе она отличалась от европейского стандарта), в привокзальном ресторане я расправился с двумя порциями шашлыка и доброй дозой коньяка. Потом, забравшись на верхнюю полку, со спокойным сердцем и чувством выполненного долга завалялся спать, пожелав своим соседям по купе спокойной ночи. Теперь каждый из них сам отвечал за себя, любой мог впасть в истерику, бегать по крышам вагонов или прыгать с поезда на ходу, сойти и остаться на любой станции – мое «контрразведывательное обслуживание» закончилось.

Наутро, подъезжая к Москве, я был в приподнятом настроении – предстояла встреча с женой, радовало наступление лыжного сезона и благополучное завершение миссии «туриста».

Все эти воспоминания всплыли в моей памяти, когда летом 1992 года, работая над материалами к этой книге, я сидел в архиве Службы внешней разведки России и с интересом читал совершенно секретный документ одного из отделов внешней разведки КГБ, подготовленный в ноябре 1959 года и озаглавленный «Справка о пребывании в Москве американского туриста»

Ли Харви Освальда». Очевидно, ассоциации, которые вернули меня в прошлое, были связаны со словом «турист» и совпадением сроков проживания Освальда в Москве со сроками моей «туристской» поездки в Шотландию.

Листая пожелтевшие страницы старого дела, я настроился на философский лад. Как интересно, думал я, что в те же далекие дни, когда я усиленно пекся о том, чтобы никто из вверенных моим заботам молодых советских туристов не стал перебежчиком на Запад, молодой американский турист, гражданин государства – оплота империализма, отчаянно, даже с риском для собственной жизни, прилагал усилия, чтобы стать гражданином государства – оплота социализма.

Мог ли я представить, если бы даже знал тогда о нем, что волею судьбы в будущем не только встречу с этим человеком при странных обстоятельствах, причем не на его или моей родине, а в третьей стране, да еще за два месяца до того, как он станет не разгаданной до сих пор загадкой и американской, и мировой истории, но и всерьез займусь исследованием этой загадки и к тому же публично выскажу свое мнение на этот счет.

Но прежде чем начать повествование о появлении в Советском Союзе странного туриста и его «московском следе», остановлюсь на оперативной обстановке в Москве той поры, чтобы читателю было понятней, на каком фоне разворачивались события, связанные с главным персонажем книги – Ли Харви Освальдом.

Сразу оговорюсь: я не политолог, и мои рассуждения – всего лишь ретроспективный взгляд на прошлое бывшего кадрового контрразведчика и разведчика КГБ, основанный на некоторых личных впечатлениях об отдельных событиях, в которых мне пришлось поучаствовать. 1950-е годы можно назвать десятилетием перепадов на шкале градусника холодной войны: международные отношения напоминали состояние больного лихорадкой, когда температура то неожиданно резко повышается, то снова падает.

С одной стороны – события в Иране (1953), Гватемале (1954), Венгрии (1956), египетско-израильская война (1956), другие локальные кризисы. С другой – перемирие в Корее (1953), Женевские соглашения по Индокитаю (1954), первая послевоенная встреча глав четырех великих держав в Женеве (1955), хотя и не приведшая к конкретным результатам, но породившая «дух Женевы» и характеризовавшаяся как «первый из серии периодов детанта в американо-советских отношениях». Большой международный резонанс получило и разоблачающее культ личности Сталина выступление Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС в феврале 1956 года, которое положило начало антисталинской кампании в Советском Союзе и расколу в мировом коммунистическом движении.

Здесь, очевидно, необходимо пояснить, что именно политический фактор, включающий два аспекта – международный и внутренний, определяет ту «оперативную обстановку», в которой отдельным спецслужбам приходится решать как «свои», национальные, задачи, так и «общие», на полях сражений, совместно с коллегами из противоположного лагеря.

В период описанных выше перепадов, когда политические лидеры разных государств то произносят конфронтационные речи, то прогуливаются друг с другом по газонам резиденций, мило улыбаясь и выступая с совместными миролюбивыми декларациями, разведкам и контрразведкам этих государств приходится туго. Такой падеграс никак не меняет в принципе функциональных обязанностей указанных служб, поэтому нередко бывает, что, в то время как они проводят операции по решению задач, поставленных перед ними политиками в период конфронтации, те же самые политики, встретившись, поднимают тосты за мир и дружбу. В таких случаях малейший прокол спецслужб – и они превращаются в мальчиков для битья и громом отвод для разгневанных государственных мужей.

Но за долгие годы существования у спецслужб выработалось своеобразное профессиональное «косоглазие». Оно отличается от обычного тем, что не имеет характерных внешних признаков. Но в чем же его специфика?

Представьте, что вы, побывав на матче по водному поло, который наблюдали с трибуны бассейна, хлопая красивой корректной игре ватерполистов, вернулись домой и смотрите трансляцию этой же игры по телевизору, но в записи, причем идет показ как надводных сцен, так и схваток, зафиксированных телекамерой через иллюминатор, расположенный ниже уровня поверхности воды. И теперь вы отчетливо понимаете, где и каким образом во многом решался исход поединка. Так вот, сотрудники спецслужб постоянно видят с двух точек самые различные политические события – как международные, например государственные визиты на высшем уровне, с их теплыми рукопожатиями, публичными объятиями и велеречивыми обоюдными заверениями в верности, так и происходящие в собственной стране. Такое «косоглазие» помогает им выжить, держать нос по ветру, по возможности гибко и оперативно реагировать на перепады температуры в политической бане во избежание подзатыльников и даже класть на стол правителям любезную их взору информацию о противниках.

Правда, иногда, чтобы выбрать себе ту или иную хорошую точку для обзора, работникам спецслужб приходится строить головоломные комбинации и в полном смысле слова спускаться под землю или под воду, а то и взмывать в небесную высь, что, как известно, связано с большим риском и не всегда кончается благополучно.

Именно такие истории и произошли в 1950-е годы и занесены яркими эпизодами в летопись холодной войны.

В середине 50-х английская и американская разведки задумали осуществление масштабной и сложной, и не только по тем временам, операции, впоследствии ставшей известной под названием «Туннель», и приступили к ней. Это было действительно сооружение подземного туннеля, ведущего из Западного Берлина на территорию бывшей ГДР, к месту прохождения проложенных под землей коммуникаций советских воинских подразделений и других учреждений. Подключение к ним состоялось, и туннель превратился для западных разведок в «золотую информационную жилу».

Ощущение эйфории от результатов этой операции красочно описано в мемуарах бывшего заместителя директора ЦРУ по информационной работе Рэя Клайна: «В середине 50-х годов ЦРУ затеяло грандиозный проект, который обошелся ему в миллионы долларов, но зато принес *горы ценной информации* (здесь и далее в цитатах все выделения курсивом мои, кроме особо оговоренных случаев. – *О.Н.*) о Советском Союзе. Это был проект берлинского туннеля.

...Технические возможности позволяли прорыть такой туннель так, чтобы его не заметили понатыканные на каждом шагу часовые и патрули противника.

Для работы был выбран заброшенный дом поблизости от границы. В него тайком, под покровом ночи, доставили все необходимые инструменты, и работа закипела.

...Сочетание мастерства разведчиков и техников (специалистов по связи) с профессионализмом ученых дало отличные результаты, став одним из ярчайших примеров того, чего может достичь ЦРУ».

Надо отдать должное авторам проекта – операция может быть отнесена к категории высшего пилотажа в разведывательной деятельности. И сам замысел, и его техническое воплощение были блестящими. Меры безопасности обеспечили скрытость работ от «пונатыканных на каждом шагу» часовых и патрулей противной стороны. Но, как нередко случается в разведке, никогда не знаешь наперед, где найдешь, а где потеряешь.

Пока исполнители проекта в строгой секретности прокладывали подземный ход на Восток, наземный «крот» из числа посвященных в их среде имел более короткий путь для связи с Востоком.

Ставший широко известным советский «крот» в британской разведке Джордж Блейк, являвшийся в то время сотрудником резидентуры МИ-6 в Западном Берлине, тоже вспоминает об операции «Туннель» в своих мемуарах: «Ночью 22 апреля 1956 года советские связисты, осуществляя срочный ремонт начавшего провисать телефонного кабеля, наткнулись на

ответвление. Они обнаружили туннель, ведущий к американскому пакгаузу по ту сторону границы сектора.

... В западной прессе операция «Туннель» расценивалась в основном как один из самых выдающихся успехов ЦРУ периода холодной войны. Хотя и отмечалось, что большая часть найденного оборудования была английского производства, никто не высказал предположения, что англичане участвовали в операции или хотя бы знали о ней. Для Питера Ланна (резидент МИ-6 в Берлине. – *О.Н.*) это было уже слишком. Как только новость попала в газеты, он собрал весь персонал берлинской резидентуры сверху донизу и рассказал эту историю от ее зарождения до развязки, пояснив, что идея операции принадлежит Интеллидженс сервис и ему лично. Участие американцев сводилось лишь к предоставлению большей части необходимых сумм и средств обслуживания. Конечно же, они участвовали и в дележе результатов.

До этого вряд ли кто-нибудь в резидентуре знал о существовании туннеля. Помимо Питера Ланна и его заместителя я являлся единственным сотрудником, бывшим в курсе, да и то лишь благодаря моей прежней работе в отделе «У».

Далее Дж. Блейк рассказывает, как он опасался за свою безопасность после обнаружения туннеля, но «последовавшее за этим совместное расследование Интеллидженс сервис и ЦРУ обстоятельств провала операции пришло к выводу о его чисто технических причинах, об утечке информации и речи не шло». В мемуарах также сказано: «Только в 1961 году, после моего ареста, разведке стало известно, что советские власти были детально ознакомлены с операцией «Туннель» еще до того, как первая лопата вонзилась в землю».

Таким образом, то, что с радостью извлекалось из-под земли западными разведками в качестве «гор ценной информации», в свою очередь разбавлялось на «кухне» советской разведки немалой дозой дезинформации, при этом прилагались значительные усилия, чтобы скрыть осведомленность о канале утечки и не засветить ценный источник. Так что и для КГБ «Туннель» превратился в грандиозную операцию, также требовавшую больших трудовых и материальных затрат.

Вторая нашумевшая история, тоже развивавшаяся ниже уровня, но уже не поверхности земли, а моря, поэтому, естественно, в ней принимали участие не «кроты», а «крабы», имела место в Великобритании практически одновременно с «обнаружением туннеля».

18 апреля 1956 года (туннель «нашли» 22 апреля) в Англию с государственным визитом на высшем уровне прибыли лидер КПСС Н.С. Хрущев и премьер советского правительства маршал Н.А. Булганин. Прибыли они на борту крейсера «Орджоникидзе» в сопровождении двух эсминцев.

Пока государственные деятели обеих стран миролюбиво общались между собой, советские военные корабли «припарковались» не где-нибудь, а в ее величества королевском доке в порту Портсмут. Английское политическое руководство на Даунинг-стрит во избежание каких-либо осложнений издало секретную директиву, адресованную своим спецслужбам, чтобы они «оставили в покое» советскую делегацию на период ее пребывания в Великобритании.

Однако британская разведка, очевидно, не находила себе места – ведь прямо у нее под носом был пришвартован советский крейсер новейшего типа! И «зуд» был настолько силен, что вопреки указаниям свыше смельчаки из МИ-6 решились на отчаянный шаг. Для тайного обследования подводной части крейсера «Орджоникидзе» они «зафрахтовали» опытного морского аквалангиста, капитана 3-го ранга в отставке по фамилии Крэбб (произносится так же, как «краб», хотя пишется с двумя «б»), который погружался в воду два раза – 18 и 19 апреля.

19 апреля на обеде, который давал британский премьер в честь высоких советских гостей, Н.С. Хрущев отпускал какие-то шутки, но хозяин стола никак не мог понять, по какому поводу.

Из своей второй «экспедиции» аквалангист так и не вернулся, что потом, когда эта история (в отличие от Крэбба) всплыла на поверхность, породило множество различных версий и спекуляций.

В одной из книг, посвященных тайным операциям английской разведки, авторы, ирландские журналисты, так описывают это событие: «Крэбб, имевший слабое сердце и страдавший от злоупотребления алкоголем, сделал два погружения под корабль. Из второго он не вернулся. Русские, обнаружившие, что их корабль подвергается обследованию, заявили резкий протест. Разгневанный премьер-министр Энтони Иден приказал выяснить, кто санкционировал эту акцию. Оказалось, что, хотя некоторые сотрудники МИДа были осведомлены о плане, на соответствующем уровне он не обсуждался. В результате генеральный директор разведки Джон Синклер был уволен».

Только 9 июня 1957 года на большом расстоянии отбившей стоянки советских кораблей был выловлен облаченный в легкий водолазный костюм обезглавленный труп, к тому же без кистей рук, который по ряду признаков был опознан как тело Крэбба. По мнению экспертов, его голову и руки объели крабы.

Но появилась и другая версия, согласно которой русские изловили ныряльщика, увезли его в Союз, где он под другой фамилией стал работать по специальности в советской военной разведке. Публиковались даже фотографии, «подтверждавшие» эту версию, где мнимый Крэбб изображен в советской военно-морской форме.

Вся история с «крабами» на Западе до сих пор считается одной из неразгаданных загадок времен холодной войны.

Удобные точки для взгляда на происходящее, особенно в стане противника, разведчики искали не только на земле, но и под землей и под водой. Во второй половине 1950-х ЦРУ приступило к реализации нового, теперь уже «высотного», проекта.

Архисекретная операция «Перелет» по проведению разведывательных полетов самолета У-2 над территорией СССР продолжалась до 1 мая 1960 года, когда он был сбит под Свердловском, а его пилот, Гэри Фрэнсис Пауэрс, захвачен, судим на открытом процессе в Москве и приговорен к десятилетнему заключению. И хотя потом тогдашние американские политики – президент Эйзенхауэр и вице-президент Никсон – сами признали, что они не только были осведомлены об этой операции, но и санкционировали ее, все шишки свалились на разведывательную службу США.

Справедливости ради надо признать, что перечисленные операции западных разведок все же носили наступательный характер, и КГБ приходилось в этих случаях прибегать к контратакующим действиям.

Но и сам КГБ подыскивал подходящие точки на вражеской территории, чтобы «давить косяка» (то есть подсматривать, наблюдать) за всем там происходящим.

21 июня 1957 года в Нью-Йорке был арестован скромный фотограф по имени Мартин Коллинз, он же Каютис, он же Гольдфус, назвавшийся на одном из допросов Рудольфом Ивановичем Абелем.

На самом деле это был полковник советской нелегальной разведки Уильям Фишер, имевший в КГБ псевдоним Марк.

В августе 1957 года, работая переводчиком на конгрессе Всемирной федерации демократической молодежи (ВФМ), проходившем в Киеве, я просматривал американские газеты примерно месячной давности и впервые прочитал об аресте в США советского разведчика-нелегала по имени Абель. На сопровождавшей заметку фотографии был запечатлен человек в наручниках, сидевший в автомашине. Помню, что даже на газетном снимке меня поразило его пронзительный колючий взгляд хищной птицы, попавшей неожиданно в ловушку.

Провал Рудольфа Абеля произошел в результате предательства направленного ему в помощники другого советского нелегала по фамилии Хэйханен – Вика. Впервые в истории

американские власти получили фактическое свидетельство того, что советская внешняя разведка имеет на территории США нелегальные резидентуры, руководимые кадровыми офицерами КГБ.

Судебный процесс над Абелем осенью 1957 года в Нью-Йорке проходил так же шумно, как три года спустя процесс над Пауэрсом в Москве, в Колонном зале Дома союзов. Правда, американская Фемида оказалась менее милосердной к Абелю, чем московская – к пилоту: полковник получил 30 лет тюрьмы.

День 10 февраля 1962 года вписан в историю противоборства двух Главных Противников как событие, которое тоже произошло впервые. В этот день на мосту Глиникербрюкке, соединявшем тогда Восточный Берлин с Западным, был произведен обмен полковника Абея на пилота Пауэрса. Этот прецедент положил начало «джентльменскому взаимодействию» между враждующими разведками и привел к целой серии последующих обменов «сгоревших» шпионов обеих сторон. Но все это – уже в другие десятилетия.

Как-то, после возвращения из Мексики в самом начале 1970-х, в столовой в здании КГБ на Лубянке я с тарелками на подносе приблизился к столику, за которым, склонившись над едой, сидел пожилой человек. Пожелав сидевшему приятного аппетита, я спросил, могу ли присоединиться к нему. Он поднял голову, и я увидел те же глаза, которые поразили меня своим выражением на газетном снимке в 1957 году. Взгляд полковника Абея – а это оказался он – был по-прежнему пронзительно пристальным, но в то же время в нем сквозила какая-то затаенная грусть. Кивнув в знак согласия, Абель вновь склонился над тарелкой. Видя, что он погружен в свои раздумья, я не решился затевать какой-то банальный разговор и тоже принялся за еду. Закончив трапезу, Рудольф Иванович в свою очередь пожелал мне приятного аппетита, собрал за собой пустую посуду, отнес ее на специально отведенный для этого стол и, сутулясь, направился к выходу из столовой. Это было мое первое и единственное общение с «живым экспонатом», как в последние годы с грустью шутливо называл себя в узком кругу Рудольф Иванович. Спустя несколько месяцев, 15 ноября 1971 года, полковника Абея не стало. Но, уйдя из жизни, он стал символом классического советского разведчика-нелегала.

«Визави» полковника Абея по обмену на германском мосту, американский пилот-разведчик Г.Ф. Пауэрс пережил его на шесть лет и погиб в вертолетной катастрофе близ Лос-Анджелеса 2 августа 1977 года.

Увлечшись лирикой, я отклонился от рассматриваемого периода и перепрыгнул в другие десятилетия. Поэтому вновь вернусь в 1950-е.

В те годы в средствах массовой информации и политических декларациях два понятия – «холодная война» и «железный занавес» – почти всегда стояли рядом. Первое определяло жесткое противостояние двух лагерей на грани применения военного арсенала, включая ядерное оружие, второе – закрытость советского общества и изоляционистскую политику его руководителей. Но именно на этом историческом отрезке стало меняться содержание второго понятия, что в определенной степени сказалось и на содержании первого.

В 1953 году советское общество перенесло шок – смерть «великого вождя» Иосифа Сталина. Спустя три года новый политический лидер и недавний близкий сподвижник Сталина Н.С. Хрущев разоблачил культ «гения всего человечества» и представил его как тирана, проводившего политику геноцида в своем государстве. Это был еще больший шок.

Началась эра десталинизации, и железный занавес постепенно начал приподниматься.

В 1957 году впервые в Москве проводился Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Десятки тысяч молодых людей из других стран, придерживающихся различных идеологических убеждений, политических и религиозных взглядов, буквально лавиной хлынули в советскую столицу, вызвав своего рода «диффузию». Помимо семян политических сомнений гости посеяли и другие семена. Через девять месяцев московские родильные дома пожинали урожай новорожденных с цветом кожи, совершенно несвойственным жителям наших географиче-

ских широт. Врачи-венерологи схватились за голову значительно раньше, еще в ходе обширной культурной программы фестиваля. Что ж, интернационализм – это не только обмен идеями за круглым столом, как представлялось тогда нашим штатным пропагандистам.

В 1958 году на Всемирной выставке в Брюсселе был сооружен громадный советский павильон, персонал которого насчитывал несколько сот человек. Как участник этого события, могу засвидетельствовать, что интерес к жизни и людям из-за железного занавеса был огромный. Пожалуй, наш павильон был одной из достопримечательностей выставки. По утрам, еще до открытия, у входа уже скапливалось немалое число жаждавших посетить его.

Понятно, что и западные спецслужбы рассматривали павильон и его сотрудников как объект своих интересов и разведывательных устремлений. В действовавшую в составе персонала контрразведывательную оперативную группу от наших источников поступало немало сигналов о повышенном интересе к биографиям советских специалистов, работавших на стендах, переводчиков и других служащих павильона. Особую активность в этом плане проявляли участники антисоветских эмигрантских организаций типа НТС, ОУН и других. Но кадры павильона были основательно отфильтрованы в Москве, и не помню, чтобы в период работы выставки возникли серьезные проблемы с точки зрения государственной безопасности, хотя мелкие ЧП и имели место.

В то же время брюссельскую выставку посетило немалое число туристских групп из разных регионов СССР, которые, напившись большой порцией знаний о «западном образе жизни», представленном в концентрированном виде в павильонах многих стран мира, повезли эти знания к себе домой.

Но самый смелый шаг, еще выше приподнявший железный занавес, был предпринят летом 1959 года, когда состоялся обмен национальными выставками между США и СССР. Американская была открыта в московском парке «Сокольники», а советская – в центре Нью-Йорка, в зале «Колизеум». На открытие американской выставки в СССР приехал с большим сопровождением вице-президент Никсон, который встречался в Москве с советским руководством, а затем побывал в Ленинграде, на Урале и в Новосибирске. Тогда же состоялись обоюдные визиты других весьма представительных делегаций, начались гастроли театральных трупп, рост туризма из США в СССР и обратно, наметилось расширение спортивных связей.

Если внешней разведке КГБ увеличение просвета в железном занавесе сулило даже некоторые преимущества, поскольку расширяло каналы разведывательного общения с Западом, то для контрразведывательных подразделений наступили непростые времена. Резкое возрастание количества прямых контактов советских граждан с иностранцами как за рубежом, так и на территории Советского Союза меняло обстановку, требовало новых подходов, определенной перестройки в тактике и методах оперативной деятельности.

Американская выставка 1959 года в Москве для многих подразделений КГБ явилась серьезным испытанием на прочность и одновременно хорошим полигоном для приобретения новых навыков работы в изменяющейся оперативной обстановке. И хотя кое-какой опыт был уже накоплен в ходе контрразведывательной работы на московском фестивале и на брюссельской выставке, теперь складывалась ситуация с особой оперативной спецификой. Для Брюсселя, например, было достаточно заранее подобрать, а затем направить надежную команду персонала советского павильона и с ее помощью гасить все разведывательные устремления и вербовочные усилия спецслужб противника и эмигрантских организаций. Здесь же, наоборот, требовалось квалифицированно нейтрализовать довольно многочисленную американскую команду, десантированную в советскую среду, которая проявляла большую любознательность к проводимому мероприятию. Было ясно, что противоположная сторона попытается воспользоваться представившейся возможностью для достижения максимального пропагандистского и оперативного эффекта. Соответственно, задачей хозяев было свести этот эффект к минимуму. Короче говоря, ситуация на американской выставке отличалась от всех предыду-

щих тем, что, говоря языком боксеров, стала «ближним боем» с Главным Противником, причем в нашем углу ринга.

В «обеспечении» американской выставки принимали участие различные подразделения органов госбезопасности, но, поскольку она проходила в Москве, вся повседневная оперативная работа легла на плечи Московского управления КГБ, где в одном из отделов начиналась в то время моя карьера офицера контрразведки.

Специальная группа наших оперработников несла круглосуточное дежурство в помещении отделения милиции, расположенного непосредственно на территории парка «Сокольники», и поддерживала постоянную связь со штабом, размещавшимся в здании управления на Малой Лубянке. Штаб, в свою очередь, координировал все возникавшие вопросы с центральным аппаратом КГБ и его другими службами.

Помимо кадровых оперативных сотрудников выставку «обслуживал» многочисленный аппарат помощников – агентура и доверенные лица. Диапазон их функций был весьма широк: от работы в составе персонала, например переводчиками у стендов в павильонах, до регулярных ежедневных визитов на выставку в качестве посетителей. Задачи помощникам ставились как общего, так и вполне конкретного характера – изучение американских сотрудников и наблюдение за их контактами с советскими гражданами. Встречи с агентурой и «доверенными» проходили по учащенному графику, полученная информация быстро анализировалась, и по острым сигналам немедленно принимались оперативные меры.

Не обошлось и без курьезов. Однажды в штаб сообщили, что задержан и находится в милиции молодой человек, имевший подозрительную беседу на выставке с одним из американских служащих, в ходе которой последний опустил в портфель задержанного пачку денег. Срочно меня еще с одним офицером направили в «Сокольники», чтобы на месте выяснить подробности. Мы ознакомились с рапортом двух сотрудников службы наружного наблюдения, в котором они детально описывали «конспиративную встречу», и опросили перепуганного иностранного парнишку, оказавшегося в Москве, кажется, по случаю сдачи вступительных экзаменов в один из институтов. Он подтвердил, что на выставке попросил у кого-то из американцев рекламные проспекты, но категорически отрицал получение денег от кого-либо из них. При себе он имел небольшую сумму денег, полученную, по его словам, в этот день переводом от своей тетки из другого города. Дальнейшая проверка и разбирательство эпизода показали, что двое «наружников» (сотрудников службы наружного наблюдения), увидев, как парень расплачивался в кафетерии в парке, понаблюдали за ним на выставке и полностью «слиповали» его «конспиративную встречу» с вымышленным американским шпионом. Уличенные во лжи, они объяснили свои действия стремлением «отличиться и заработать поощрение за бдительность». Их обоих «поощрили» увольнением из органов КГБ.

Теперь уже с улыбкой можно вспоминать острую «борьбу», с первых дней открытия выставки развернувшуюся между нашей службой и американской стороной у стенда с печатной продукцией, выпускаемой в США. Велась она упорно и молчаливо с обеих сторон. Части нашей агентуры с целью пресечения распространения организаторами выставки «идеологически вредной пропагандистской литературы» было поручено, посещая этот павильон и знакомясь с книгами, прихватывать их с собой и тем самым ограничивать доступ к ним других советских граждан.

Спустя несколько дней после открытия выставки в здании управления, в одном из кабинетов нашего отдела, скопилась довольно внушительная гора американских изданий по самой разнообразной тематике. Учитывая мои познания в иностранных языках, начальство поручило мне просматривать литературные «поступления», чтобы можно было решить, что с ними делать. Какая-то часть была передана на курсы иностранных языков, что-то отправили в макулатуру. С разрешения руководства отдельными интересующими меня книгами я пополнил

свою библиотеку. До сих пор на книжных полках у меня стоят несколько томов воспоминаний Уинстона Черчилля и некоторые издания по истории и государственному устройству США.

Припоминаю, что через какое-то время поток литературы иссяк – кажется, организаторы выставки ужесточили контроль над стендом, усложнив тем самым работу нашей агентуры. Но и это было нам на руку – другие советские граждане тоже не могли уносить «подрывную» продукцию.

В 1958 году, работая по прикрытию в разделе «Культура и искусство» советского павильона в Брюсселе, мне пришлось участвовать в обратном процессе: там уже мы усиленно подкладывали на стенды нашу «вредную» печатную продукцию, которую охотно разбирали иностранные посетители из разных стран. Правда, не знаю, оседала ли она тоже в кабинетах спецслужб или служила широкому распространению наших самых передовых идей среди западного общества.

Неожиданно в Москве натолкнулся на один «брюссельский след». По какому-то поводу просматривая списки американских служащих выставки в «Сокольниках», я обнаружил среди них фамилию знакомой по Брюсселю. Это была сотрудница павильона США, вместе с которой мы состояли членами Международного молодежного клуба служащих Всемирной выставки. Я доложил об этом начальству, и было решено организовать «случайную» встречу с ней и заняться ее изучением. По каким-то признакам она к тому времени уже попала в категорию подозреваемых «в принадлежности к американским спецорганам» и находилась под наружным наблюдением в отеле, при передвижениях по Москве и на самой выставке. Пришлось некоторое время в составе бригады НН (наружное наблюдение) поучаствовать в наблюдении за моей знакомой, а затем «случайно» узнать ее на выставке, где она работала стендистом у машин для голосования.

При встрече она тоже выразила «искреннюю» радость, мы обменялись телефонами и договорились созвониться. Интересно, что во время нашей милой беседы, как только я сделал движение достать ручку, стоявший невдалеке посетитель поспешно приблизился ко мне, любезно протягивая карандаш и старательно заглядывая, что я буду записывать. «Да, наши люди не дремлют», – подумал я про себя.

Чтобы у читателя не сложилось впечатление, что контрразведывательная работа на выставке носила скорее опереточный, чем оперативный характер, расскажу об одном из эпизодов, который мог бы украсить собой любой остросюжетный детектив и в котором умело проявил себя один из наших негласных помощников. Сложись все по-другому, случай мог иметь далеко идущие негативные последствия для нашей стороны.

В один из дней служащий выставки, в какой-то момент оказавшийся в павильоне лицом к стенду, у которого он постоянно работал, услышал за своей спиной сказанную вполголоса и явно обращенную к нему фразу:

– Не оборачивайтесь, положите руки за спину. То, что я вам вручу, передайте по назначению.

Стендист послушно выполнил просьбу и почувствовал, как ему в руки был вложен пакет. Не оглядываясь, он опустил его в карман и спокойно оставался на рабочем месте, предполагая, что за его поведением после вручения конверта могут наблюдать. Спустя некоторое время, отлучившись в туалет, он достал и осмотрел заклеенный пакет, на котором было написано по-русски: «Передать в американское посольство».

Через пару часов конверт и его содержимое лежали на столе у руководства Московского управления КГБ.

Забегая вперед, скажу, что автор послания вел наблюдение за стендистом в течение нескольких посещений выставки и, только придя к твердому убеждению, что это американский сотрудник, передал конверт в руки... советского гражданина – агента КГБ, прекрасно владевшего английским языком.

Так началась операция, которую условно назову «Дело Романа».

В своем послании анонимный автор, обращаясь к представителям американской разведки, сообщал, что располагает секретными сведениями, в частности о системе противоздушной обороны Московского региона, и готов за материальное вознаграждение передать эту и другую информацию, которая может представлять интерес. Он писал, что передаст сведения только в случае последовательного выполнения ряда условий, которые убедят его в том, что предложение попало по назначению и принято адресатом.

В качестве первого выдвигалось условие, чтобы в определенный день и час в определенном месте высокопоставленный чиновник посольства США в Москве произвел определенные действия, оговоренные в письме. На выполнение этого условия автором письма отводился короткий срок.

Прибегнув к средствам и методам театрализованного шоу, КГБ выполнил поставленное условие. Место проведения спектакля при этом не «обладалось» службой наружного наблюдения, чтобы Роман не заподозрил что-то неладное.

Вторым условием Роман поставил, чтобы из окна вагона электропоезда, когда он отойдет в обозначенное время от платформы одной из подмосковных станций, был выброшен пакет с названной им суммой денег в банкнотах определенного достоинства.

Было подготовлено исполнение и этого желания анонимного автора. Правда, на этот раз местность контролировалась службой наружного наблюдения и в помощь был брошен «десант» из оперативных сотрудников нашего управления, так как предусматривался захват «доброжелателя» в случае его обнаружения в зоне засады.

Поскольку действия Романа выдавали в нем человека, достаточно хорошо знакомого с принципами конспирации и, по всей видимости, как-то связанного с системой органов безопасности, в работе по этому делу участвовал весьма ограниченный круг лиц и все операции проводились при соблюдении строгой секретности.

Роман, соблюдая предосторожность, прибыл на назначенную им станцию в обусловленное в письме время. Приблизившись к месту, куда, по его расчетам, должен был упасть пакет с деньгами, он заподозрил опасность и поспешно вернулся на платформу железнодорожной станции.

И тут, как нередко случается в оперативной практике, сработал закон подлости. Был теплый летний вечер, и в кустах, к которым направлялся Роман, молодая парочка занималась любовью, а он, испугавшись ловушки, немедленно ретировался. Вообще, давно известно, что при проведении ответственных операций спецслужб наибольшую угрозу их срыва создают вездесущие мальчишки и страстные любовные пары – практика показала, что чаще всего все три названные категории облюбовывают одни и те же места для своих забав.

В тот вечер сотрудники НК засекли на малолюдной платформе Романа, однако и он, вычислив их, быстро прыгнул в отходящий электропоезд за мгновение до закрытия дверей и ушел. Но так как описание его внешности все же появилось, вскоре он вновь попал «под наружку» в Москве и в конце концов спустя некоторое время был арестован. Перед арестом при негласном осмотре в его рабочем столе были обнаружены средства, с помощью которых он изготовил послание, переданное «американцу» на выставке в «Сокольниках». На следствии и в суде он признался в своих преступных намерениях, мотивы которых были сугубо материальными – необходимость покрыть карточные долги.

Как и предполагалось по одной из версий, потенциальный шпион оказался оперативным сотрудником одного из подразделений КГБ в Московской области, был судим и понес, как говорят в таких случаях, заслуженное наказание.

Безусловно, масштабы противоборства спецслужб во время национальных выставок в «Сокольниках» и «Колизеуме» были значительно более широки, чем моя осведомленность,

ограниченная рамками скромных обязанностей начинающего рядового сотрудника контрразведки.

Но, видимо, тогда противники, чтобы не создавать осложнений политикам, вынуждены были вести себя достаточно достойно, и оба мероприятия – в Москве и Нью-Йорке – завершились без серьезных ЧП.

А между тем политическое руководство обеих стран продолжало тянуться друг к другу. По приглашению президента США Эйзенхауэра в сентябре того же 1959 года Соединенные Штаты посетила советская правительственная делегация во главе с Н.С. Хрущевым. В президентской резиденции в Кэмп-Дэвиде была достигнута договоренность об организации новой встречи глав правительств СССР, США, Англии и Франции в мае 1960 года. Испарившийся дух Женевы сменил возникший в результате переговоров дух Кэмп-Дэвида.

Десятилетие 1950-х политические лидеры США и СССР завершали первой репетицией детанта в двусторонних отношениях и, следовательно, общей надеждой на снижение «жара» холодной войны.

Ну а их спецслужбы по-прежнему тянули свою лямку.

Американский пилот Пауэрс на специальном самолете новейшей конструкции У-2 продолжал совершать разведывательные полеты над территорией Советского Союза.

Советский разведчик-нелегал полковник Абель томился в американской тюрьме, а его место в строю на территории США готовился занять новый боец невидимого фронта.

В сложившейся ситуации основной принцип деятельности специальных служб – «не проколись» – приобретал особое значение. Лучше в таких условиях поступиться какими-то оперативными результатами, чем вызвать на свою голову гнев властей предержавших и стать без вины виноватым.

В таком потеплевшем климате холодной войны из Финляндии за железный занавес, в Москву, шел поезд, в одном из вагонов которого ехал со своей заветной мечтой недавний морской пехотинец, одинокий двадцатилетний американский турист по имени Ли Харви Освальд.

НЕЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ ТУРИСТ, или ПЕРВЫЙ РАУНД

Итак, какие же события предшествовали появлению на московской земле американского туриста Ли Харви Освальда?

4 сентября ввиду предстоящего увольнения с военной службы морской пехотинец США Освальд обратился в суд Санта-Аны, штат Калифорния, с просьбой выдать ему заграничный паспорт. В заполненной анкете было сказано, что он собирается уехать из Соединенных Штатов 21 сентября для поступления в колледж имени Альберта Швейцера в Швейцарии и затем в университет в городе Турку в Финляндии, а также съездить на Кубу, в Доминиканскую Республику, в Англию, Францию, Германию и в СССР. Паспорт был выдан на общих основаниях в шестидневный срок.

После увольнения с военной службы Освальд отправился прямо домой и прибыл в Форт-Уэрт 14 сентября. Матери он сказал, что хочет найти работу на корабле или, может быть, в конторе «по экспортно-импортным операциям». Пробыв три дня дома и навестив брата, Освальд отправился в Новый Орлеан.

17 сентября, заполнив в бюро туризма в Новом Орлеане «анкету для выезжающих за границу пассажиров», где свою профессию указал как «экспедитор экспортной конторы», Освальд приобрел билет на грузовой пароход от Нового Орлеана до Гавра во Франции. Отчалив 20 сентября 1959 года на борту парохода «Марион Лайке», 8 октября он высадился в Гавре и в тот же день уехал в Англию, куда прибыл 9 октября. Таможенным чиновникам Освальд заявил, что намерен оставаться в Англии неделю, а затем уехать в школу в Швейцарию, однако в тот день вылетел в Финляндию, в Хельсинки, поселился в гостинице «Торни», а на следующий день переехал в отель «Клаус Курки».

По-видимому, 12 октября Освальд просил советское консульство в Хельсинки выдать ему визу в СССР. Виза была выдана 14 октября на срок до 20 октября и давала право на въезд в Советский Союз и пребывание в нем не более шести дней. Он также купил 10 советских «туристических купонов» стоимостью 30 долларов каждый. На следующий день Освальд уехал из Хельсинки, пересек советско-финляндскую границу в Вайниккала и двинулся на поезде в направлении Москвы.

Так в отчете Комиссии Уоррена (ОКУ) будут описаны похождения американского туриста в течение месяца с небольшим до того, как его имя впервые было произнесено на советской территории. Обращает на себя внимание то, как конспиративно обставлял свой вояж Освальд – в четырех местах дал четыре разные «легенды» и о целях, и о маршрутах своей поездки.

Впоследствии обстоятельства получения Освальдом советской визы в Хельсинки породили ряд спекуляций и предположений, нашедших отражение и в отчете Комиссии Уоррена: *«Предположение. Возможно, что еще до приезда в СССР в 1959 году Освальд уже имел связи с советскими агентами, потому что его прошение о выдаче визы было рассмотрено и удовлетворено в необычно короткий срок.*

Заключение комиссии. Нет никаких доказательств, что Освальд до приезда в СССР состоял в связи с советскими агентами. Время, затраченное им в Хельсинки на получение визы для въезда в Советский Союз, было меньше обычного, но в пределах нормального срока для выдачи подобных виз. Если бы Освальд был завербован в качестве советского агента в бытность его в Корпусе морской пехоты, то маловероятно, чтобы его стали поощрять к переходу. Для русской разведки он был бы гораздо полезнее в качестве оператора радара в морской пехоте США, чем в качестве перебежчика».

Естественно, что любой человек имеет право на любое предположение. Что касается ответа комиссии, то он представляется разумным и вполне обоснованным. Что еще можно добавить? Как удалось выяснить автору у одного из ветеранов «Интуриста», в то время, чтобы

получить въездную визу в СССР, иностранный турист должен был в той же фирме, где он приобрел тур, заполнить две анкеты и приложить к ним две фотографии. Виза оформлялась фирмой. Непосредственно в посольство фирма отправляла своих клиентов крайне редко, только в случае непредвиденно большого наплыва клиентов. Судя по срокам, маловероятно, чтобы тот сезон был отмечен особым наплывом туристов.

Советское консульство в Хельсинки выдавало визы быстро. Связано это было с географической близостью двух стран, что позволяло оперативно доставлять анкеты иностранцев в Москву, и с хорошими деловыми отношениями «Интуриста» с местными туристическими компаниями.

В 1992 году в Минске автор внимательно изучил анкету Освальда, хранящуюся в его архивном деле в КГБ Белоруссии. В графе 5 «Место работы в настоящее время, занимаемая должность и основная профессия» указано: «Студент».

О цели, продолжительности пребывания в СССР и маршруте следования в другой графе написано: «Хельсинки – Выборг – Москва. 5 дней. Турист». Здесь же по-русски: «Турпоезда (вместо «турпоездка»). – О.Н.) в Москву поездом на период 15/10–22/10». Вообще, все ответы анкеты написаны на английском языке почерком Освальда, а рядом следует русский перевод, но, судя по ряду признаков, выполненный нерусским человеком. Это может означать, что анкета заполнялась и переводилась в финском турбюро до отправки в советское консульство. В деле нет данных о том, сам ли Освальд посетил консульство для получения визы, или это было сделано фирмой. В графе «Дата заполнения анкеты» опять же почерком Освальда проставлена дата – «13 октября 1959 года».

Что касается упомянутых «туристических купонов», приобретенных Освальдом в Хельсинки в турбюро, в их стоимость входило размещение в гостинице в Москве, завтрак, одна экскурсия в день, встреча на вокзале и проводы туриста.

16 октября американский турист Ли Харви Освальд впервые ступил на платформу Ленинградского вокзала столицы Советского Союза.

«На вокзале в Москве он был встречен представителем «Интуриста». Его отвезли в гостиницу «Берлин», где он прописался как студент. В тот же день произошла встреча Освальда с гидом «Интуриста», молодой женщиной Риммой Широковой, которая была назначена сопровождать его во время пребывания в СССР» (ОКУ. Прил. 13. С. 690).

Все происходило именно так, как изложено в отчете комиссии.

Всюду в СССР, куда прибывали иностранные туристы, существовали бюро «Интуриста». В аэропортах, на вокзалах и в морских портах туристов встречали сотрудники таких бюро и отправляли их в гостиницы, где туристов уже ждали гиды-переводчики, занимавшиеся ими до самого дня отъезда из страны.

В отчете Комиссии Уоррена относительно последней категории лиц имеется обобщение, которое нуждается, на мой взгляд, в пояснении с учетом реальностей обстановки того периода: «В 1959 году почти все гиды «Интуриста» являлись осведомителями КГБ, и нет причин полагать, что гид Освальда составлял исключение» (ОКУ. Гл. 6. С. 255).

Массовый обмен туристами начался году в 1956-м, когда в результате политики Хрущева слегка приподнялся железный занавес между Востоком и Западом. Легкое потепление в межгосударственных отношениях, впрочем, отнюдь не сопровождалось изменением в противостоянии спецслужб. И спецслужбы обеих сторон, естественно, не могли оставить без внимания обмен туристами, предполагая использовать его в своих целях.

Государственный комитет СССР по иностранному туризму («Интурист») был в те годы единственной организацией, занимавшейся советским туризмом за границей и иностранным – в СССР.

В КГБ иностранными туристами занимались два основных подразделения – Первое главное управление, ПГУ (разведка), и Второе главное управление, ВГУ (контрразведка).

Разведку интересовали возможные кандидаты на вербовку с последующим использованием агентов за границей. Контрразведка занималась выявлением агентуры противника среди туристов и пресечением ее подрывной деятельности. В ПГУ туристов изучал отдел под номером 15, функцией которого было осуществление разведки с территории СССР, в контрразведке – отдел под номером 7. Эти подразделения КГБ имели полный доступ ко всей информации об иностранных туристах, начиная с анкет и кончая отчетами о работе с туристами, которые составлялись всеми гидами-переводчиками.

Отчетность гидов в «Интуристе» была поставлена хорошо. Все отчеты, в которых также содержалось большое количество информации для работы самого «Интуриста», пожелания, рекомендации и замечания туристов стекались в экскурсионно-методический отдел (ЭМО), где они фильтровались КГБ, который вылавливал сведения, необходимые для решения своих специфических задач.

Однако основным средством проверки поведения туриста, выявления его контактов среди советских граждан, осуществления оперативных комбинаций по «подводу» к нему «нужных людей» была, естественно, собственная агентура, которую КГБ вербовал среди сотрудников «Интуриста». Отбор кандидатур для вербовки шел по очень жестким критериям пригодности для участия в оперативной деятельности. Едва ли половина «интуристовцев» отвечала этим требованиям.

Работа по интуристам велась разведкой и контрразведкой по-разному. Контрразведка отталкивалась в первую очередь от поведенческих признаков, которые давали основания полагать, что турист выполняет поручение спецслужбы противника, а разведка – от анкетных данных. Предварительная селекция возможных кандидатов на вербовку шла по таким признакам, как указанные в анкете социальная и профессиональная принадлежность туристов, место работы и место жительства. Место жительства изучалось с точки зрения досягаемости для наших заграничных резидентур, поскольку передвижения советских официальных представителей за рубежом и западных в СССР были ограничены определенными зонами. Это необходимо было учитывать при организации разведывательной работы «легальными», то есть находящимися под официальными прикрытиями, резидентурами.

Примерно так же работали с советскими туристами спецслужбы Запада. Они поддерживали с владельцами туристических компаний доверительные отношения, имели агентуру среди их сотрудников. В свою очередь, зарубежные резидентуры разведки КГБ изучали такие компании по линии внешней контрразведки, а вся полученная информация о выявленной агентуре спецслужб противника немедленно направлялась во Второе главное управление. Разведка и контрразведка КГБ взаимодействовали на этом участке очень тесно.

Недавний морской пехотинец США, а ныне «студент» Ли Харви Освальд оказался не совсем обычным туристом и, едва ступив на советскую землю, повел себя совершенно неожиданно. Вновь обратимся к ОКУ: «На следующий день они (с гидом. – *О.Н.*) отправились осматривать достопримечательности города. Почти сразу же Освальд сообщил ей, что он хочет порвать с Соединенными Штатами и стать гражданином Советского Союза. Как видно из «Исторического дневника», который вел Освальд, Римма позднее сообщила ему, что она поставила в известность о его намерениях Главное управление «Интуриста», которое, в свою очередь, передало эти сведения в Отдел паспортов и виз (вероятно, Отдел виз и регистрации Министерства внутренних дел СССР). Ей было поручено помочь Освальду составить прошение на имя Верховного Совета СССР о предоставлении ему советского гражданства. Это письмо Освальд послал в тот же самый день» (*ОКУ. Прил. 13. С. 690*).

Естественно, что столь серьезное и поспешное заявление только что прибывшего в СССР молодого американца немедленно стало достоянием КГБ. Вот как были отражены те же события в документе 15-го отдела ПГУ – справке о пребывании в Москве «американского туриста Ли Харви Освальда»:

«Справка о пребывании в Москве американского туриста ЛИ ХАРВИ ОСВАЛЬДА.

16 октября 1959 года в Москву в качестве туриста прибыл американский гражданин ЛИ ХАРВИ ОСВАЛЬД. В первый же день своего пребывания в Москве в беседе с переводчицей ШИРОКОВОЙ Р.С. он заявил, что приехал с намерением остаться в Советском Союзе и принять советское гражданство, и в связи с этим интересовался, кому и куда направить соответствующее ходатайство.

Вскоре он известил ее, что направил в Верховный Совет Союза ССР заявление и ждет решения.

Объектами показа Освальд совершенно не интересовался и весь был поглощен мыслью остаться в Советском Союзе.

О себе он рассказал, что одинок, родителей или других близких родственников не имеет; до 17-летнего возраста учился в средней школе в Техасе, в 1956 году, в связи с тяжелыми материальными условиями, поступил в армию, военную службу проходил в Калифорнии, Японии и на Филиппинах. Мысль о поездке в Советский Союз и принятии советского гражданства, по его словам, он вынашивает давно. По убеждениям своим является коммунистом, хотя в организации не состоит, в силу своих убеждений не хочет и не может оставаться в капиталистической Америке и желает жить и работать в первой в мире коммунистической стране».

Очевидно, сам того не ведая, заокеанский гость, как говорится, попал с корабля на бал.

Вряд ли он, обращаясь в Верховный Совет СССР со своей просьбой, знал, что менее чем за две недели до его приезда в Союз, 4 октября, в газете «Правда» были опубликованы «Призывы ЦК КПСС к 42-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», в одном из которых было заявлено: «XXI СЪЕЗД КПСС ОЗНАМЕНОВАЛ ВСТУПЛЕНИЕ НАШЕЙ РОДИНЫ В ПЕРИОД РАЗВЕРНУТОГО СТРОИТЕЛЬСТВА КОММУНИЗМА. НАРОДЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА! ВСЕ СИЛЫ, ВСЮ ЭНЕРГИЮ – НА ВЫПОЛНЕНИЕ ВЕЛИКИХ ЗАДАЧ КОММУНИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА!»

Так что «новый строитель коммунизма» в лице американского туриста мог оказаться весьма кстати, да и возможностей для приложения его молодых сил и бьющей энергии на этом поприще в Союзе было хоть отбавляй.

Обращение Освальда с ходатайством о получении советского гражданства активизировало работу кровеносной системы государственного бюрократического организма, словно инъекция.

Уже 17 октября из Канцелярии Президиума Верховного Совета СССР с пометкой «Срочно» на имя заместителя председателя КГБ СССР А.И. Перепелицына поступило письмо номер 435 следующего содержания: «В соответствии с договоренностью, направляю Вам поступившее в Верховный Совет заявление американского гражданина Ли Харви Освальда, в котором содержится просьба о его приеме в советское гражданство». Письмо было подписано заместителем начальника Канцелярии Президиума Верховного Совета СССР В. Высотиным.

На письме в КГБ наложили резолюцию: «Срочно. Тов. Прокопенко А.В. Совместно с ПГУ и ВГУ рассмотрите и внесите предложения. Перепелицын. 17.10.59» (Дело Освальда. Т. 1. С. 87). В тот же день Учетно-архивный отдел КГБ (УАО), в обязанности которого входила переписка по подобного рода вопросам с различными организациями за пределами КГБ, запросил Первое и Второе главные управления и немедленно завел на Освальда «дело спецпроверки».

«Дело спецпроверки» в то время обычно заводилось на каждого советского гражданина, кто хоть раз выезжал за рубеж по так называемому каналу частного выезда, то есть по приглашению родственников или знакомых (последнее было тогда крайней редкостью). «Дело спецпроверки», или, как мы его называли, «выездное дело», представляло собой досье, в котором содержались «установочные» и краткие биографические данные человека, сведения о причинах его поездки, результаты его проверок по специальным картотекам КГБ и МВД, справки с места работы о степени осведомленности его в государственных секретах, переписка органов

госбезопасности и другие документы. Оперативные документы попадали туда редко, в основном через ПГУ, когда из резидентур поступали сообщения о «плохом» поведении «фигуранта» за границей.

«Дело спецпроверки» сопровождало «путешественника» всю жизнь и пополнялось в случае его последующих поездок. Эти дела велись и хранились в УАО, и, когда началась официальная переписка о предоставлении Освальду гражданства, там появилось новое «дело спецпроверки», чтобы в нем собирались все материалы.

Спустя всего три дня, что свидетельствовало о воздействии пометки «Срочно», в УАО поступили ответы из обоих главных управлений.

«Совершенно секретно»

Заместителю начальника УАО КГБ

Служебная записка

Второе главное управление КГБ при СМ СССР заинтересованности в отношении американского гражданина Ли Харви Освальда не имеет.

Принимать его в советское гражданство считаем нецелесообразным.

Заместитель начальника ВГУ (*подпись*)

20 октября 1959 г.».

Судя по приведенному ответу, в ВГУ, ознакомившись с первичными данными на туриста, прикинули, что этот молодец, во всеуслышание заявляющий, что он коммунист, и желающий стать советским гражданином, вряд ли перспективен для использования в разработках интересующих контрразведку иностранцев, да и объектов из числа советских людей. Что у него на самом деле за душой и как он поведет себя в дальнейшем, трудно сказать, но все равно его придется держать под наблюдением. Это будет обуза на неопределенное время, требующая физических и материальных затрат без видимой отдачи. Поскольку оперативный интерес к нему явно не просматривается, пусть уж лучше побыстрее отправляется восвояси.

У меня нет никаких конкретных подтверждений того, что именно так думали тогда в ВГУ, но кое-какое знание механизма принятия решений в КГБ в подобных случаях дает мне основание сделать такое предположение.

Видимо, запрос из Учетно-архивного отдела КГБ вынудил Первое главное управление, прежде чем отвечать на него, непосредственно «пощупать» претендента на участие в коммунистическом строительстве. Ознакомительная беседа сотрудника разведки с Освальдом состоялась 20 октября. Поскольку предлогом для этой беседы послужило ходатайство о принятии в гражданство, встреча происходила, выражаясь профессиональным языком, «с позиций», то есть под прикрытием, ОВИРа.

Беседа, продолжавшаяся около полутора часов, касалась биографии Освальда, обстоятельств путешествия из США в СССР, мотивов, по которым он просил политического убежища. Ее результаты отражены в ранее цитировавшемся оперативном документе 15-го отдела Первого главного управления: «20 октября с. г. ОСВАЛЬД в беседе в ОВИРе о причинах, побудивших его подать заявление об отказе вернуться в США и принять советское гражданство, рассказал, что родился в 1939 году в гор. Новом Орлеане, штат Луизиана. Отец был страховым агентом, умер в 1939 году. Мать его вместе с ним переехала в гор. Форт-Уэрт, штат Техас, где проживает по настоящее время по адресу: 3124, Вест, Пятая улица.

В октябре 1956 года он поступил на военную службу и был зачислен рядовым в морскую пехоту («Юнайтед стейтс марин корпс»). Во время военной службы с 18 марта по 5 мая 1957 года в гор. Джексонвилл в штате Флорида прошел курсы по электронике в «Нейвл эйр техникл трейнинг Сентер» и с 4 мая по 19 июня 1957 г. – курсы радарных операторов в «Кинслер эйр форс бейс»».

О мотивах, побудивших его подать заявление в Верховный Совет СССР, он повторил то же самое, что ранее говорил переводчице, то есть что по убеждениям своим он коммунист, что компартия в США преследуется, что она деморализована и фактически не существует, что никакой перспективы для своей жизни и деятельности в Америке он не видит и поэтому не хочет и не может вернуться туда, что он твердо и серьезно решил остаться в Советском Союзе, принять советское гражданство и быть полезным строительству нового коммунистического общества.

О своем решении в США он никому, даже матери, не говорил. Мать, как он полагает, была бы против этого.

11 сентября 1959 года в Санта-Ане (Калифорния) он уволился с военной службы и запросил заграничный паспорт для поездки в Европу. По получении паспорта на накопленные за время военной службы деньги выехал через Новый Орлеан в Европу. В Хельсинки получил визу на турпоездку в СССР сроком на пять дней и, таким образом, приехал в Москву, откуда он уже никуда не уедет.

В ОВИРе ему было сказано, что на следующий день, то есть 21-го числа, его вызовут и поставят в известность о принятом по его заявлению решении и что, учитывая изложенные им мотивы, вряд ли его просьба в настоящее время может быть удовлетворена и, по всей видимости, ему придется вернуться в Соединенные Штаты.

Беседу с Освальдом проводил Абрам Шахназаров, ветеран органов госбезопасности, работавший в них с 1920-х годов и знавший не один иностранный язык. В начале моей служебной карьеры он был заместителем начальника того отдела Московского управления КГБ, в котором я познавал азы секретной службы. Примерно в это же время он вернулся в Первое главное управление и стал работать по иностранным туристам в 15-м отделе. Именно он автор упоминаемой справки о пребывании Освальда в Москве осенью 1959 года.

Судя по изложенному содержанию беседы с Освальдом, о нем не сложилось впечатление как о возможном источнике ценной разведывательной информации. Получение им советского гражданства и постоянное проживание в СССР вообще не сулили разведке каких-либо выгод. Использовать его в активных пропагандистских мероприятиях в условиях потепления советско-американских отношений едва ли целесообразно. Со своим мнением Первое главное управление тоже не задержалось:

«Совершенно секретно

Заместителю начальника УАО КГБ

Первое главное управление не заинтересовано в том, чтобы американского гражданина Ли Харви Освальда принимать в советское гражданство и предоставлять ему право убежища в Советском Союзе.

Заместитель начальника ЛГУ (*подпись*)

20 октября 1959 г.».

Не исключено, что оба главка согласовали свои позиции в отношении американского туриста-просителя до направления отрицательных ответов на запрос Учетно-архивного отдела. На основании ответов разведки и контрразведки Учетно-архивный отдел подготовил на имя секретаря Президиума Верховного Совета СССР М.П. Георгадзе ответ КГБ на письмо № 435 от 17 октября 1959 года по поводу заявления Освальда:

«КГБ при СМ СССР прием в советское гражданство Ли Харви Освальда считает нецелесообразным.

Приложение: Заявление.

Заместитель председателя КГБ А. *Перепелицын*

22 октября 1959 г.».

Таким образом, Ли Харви Освальд стал для Комитета государственной безопасности «туристом нон грата».

Возможно, кто-то другой на его месте смирился бы с судьбой и вернулся в США продолжать осваивать марксизм. Но этот турист оказался крепким орешком.

Вот как драматические события, последовавшие за отказом, без эмоций, сухим деловым языком были отражены все в том же внутреннем документе КГБ: «21 октября из ОВИРа позволили в бюро обслуживания гостиницы «Берлин» и попросили передать ОСВАЛЬДУ, чтобы он вместе с переводчиком приехал к 3 часам дня в ОВИР. Из ОВИРа поинтересовались, заказаны ли билеты для отъезда ОСВАЛЬДА, и, узнав, что таковые не заказаны, предложили немедленно заказать, так как срок его пребывания в стране истек. На вопрос, имеет ли смысл продлить ему тур на 1–2 дня, был получен отрицательный ответ.

В 12 часов заведующая бюро обслуживания в присутствии переводчицы объявила ОСВАЛЬДУ, что он должен быть в 3 часа дня в ОВИРе и что для отъезда в Хельсинки ему заказаны железнодорожные билеты.

ОСВАЛЬД сказал, что в 2 часа 45 минут он спустится вниз, и ушел к себе в номер. Когда в установленное время он не появился, переводчица забеспокоилась и пошла к нему в номер. Дверь в комнату оказалась закрытой изнутри, и никто на стук не отзывался. Когда дверь была открыта запасным ключом, то обнаружили ОСВАЛЬДА лежащим в ванной комнате без памяти с перерезанной веной на левой руке.

Перед тем как вскрыть себе вену, он написал записку следующего содержания:

«Я проделал такой большой путь, чтобы найти смерть, но я люблю жизнь».

ОСВАЛЬД был доставлен в Боткинскую больницу, где находится по настоящее время на излечении.

23 октября с. г. ОСВАЛЬДА перевели в корпус № 7 Боткинской больницы. В беседе с переводчиками Журавлевым и Широковой профессор ТРАТАКОВСКИЙ сказал, что ОСВАЛЬД человек большой силы воли и что если ему опять откажут в удовлетворении его просьбы, то при здоровой психике он *все же может повторить попытку самоубийства*.

ОСВАЛЬДА посетил следователь и имел с ним беседу о случившемся. ОСВАЛЬД повторил все то, что говорил ранее, и добавил, что если в США узнают о том, что он хотел остаться в СССР, то его посадят в тюрьму».

После того как Освальда отправили в Боткинскую больницу, в его гостиничном номере произвели осмотр вещей. Среди личных бумаг Освальда было обнаружено письмо, написанное на английском языке. Адресат письма указан не был.

«Я, Ли Харви Освальд, обращаюсь с просьбой и подаю заявление о предоставлении гражданства СССР. Эта просьба, написанная мной, была тщательно и серьезно продумана, с полным пониманием ответственности и связанных с этим обязанностей. На период оформления моего гражданства прошу также предоставить мне убежище в Советском Союзе как коммунисту и марксисту» (*Дело Освальда. Т. 1. С. 8*).

После случившегося с туристом ЧП первым из государственных советских органов «вздвогнул» «Интурист». Формально отвечающее за его судьбу, как, впрочем, и за судьбы всех иностранных туристов на территории СССР, руководство «Интуриста» решило себя обезопасить и постараться сбегать возмутителя спокойствия в другие руки. Повод для этого у них имелся прекрасный: все произошло после отказа Освальду перейти из категории иностранных туристов в другую категорию – стать советским гражданином. А это уже заботы других бюрократических структур.

22 октября председатель «Интуриста» Анкудинов направил в ЦК КПСС, в МИД СССР на имя министра А.А. Громыко и в КГБ на имя председателя А.Н. Шелепина справку экскурсионно-методического отдела «Интуриста», в которой излагались обстоятельства пребывания в Москве американского туриста Ли Харви Освальда. В ней, в частности, говорилось об обра-

щении американца по прибытии в Москву с ходатайством принять его в советское гражданство, о попытке самоубийства после получения отказа, об отсутствии интереса к «объектам показа», то есть к посещению включенных в турпрограмму достопримечательностей столицы (*Дело Освальда. Т. 1. С. 21–22*).

В Секретариате КГБ к поступившему из «Интуриста» секретному письму была приложена записка: «Справка доложена тов. Ивашутину (заместителю председателя КГБ. – *О.Н.*). Резолюция: заместителю начальника ВГУ и заместителю начальника ПГУ. *Ивашутин. 28.10.59*».

Упрямый турист превращался в горячую картофелину, которую перебрасывают с одной руки на другую. Понятно, что в КГБ знали о ЧП независимо от «Интуриста» и пристально наблюдали за развитием событий: «24 октября Освальд сильно встревожился. В корпусе № 7 содержится еще один американец, и его *часто навещает его друг, сотрудник американского посольства. Последний спрашивал Освальда*, регистрировался ли он в американском посольстве и что с ним случилось. Освальд правды ему не сказал. В тот же день *звонили из посольства в больницу и спросили, когда его выпишут*.

27 октября врач снял швы на руке Освальда. Состояние здоровья у него хорошее, но он заметно волнуется. *Из американского посольства никто им больше не интересовался*.

28 октября Освальда выписали из больницы и поместили в гостиницу «Метрополь», комната № 233. Ему уже вручили железнодорожный билет до Хельсинки и предупредили, что 29 октября его вызывают к 12 часам в ОВИР.

29 октября Освальд был принят начальником ОВИРа тов. Рязанцевым. Освальд повторил свою просьбу – разрешить ему остаться в СССР.

Тов. Рязанцев сказал, что вопрос еще не разрешен и что он может задержаться в Москве и ждать окончательного ответа Верховного Совета.

Освальд ушел из ОВИРа в хорошем настроении. Он сказал, что надеется, что просьба его будет удовлетворена.

В настоящее время Освальд живет в гостинице «Метрополь», никуда не ходит и целыми днями сидит у себя в номере.

За номер он должен платить с 28 октября 30 рублей в сутки. Денег у него осталось 800 рублей.

1 ноября Освальд в беседе с переводчицей сообщил, что если ему откажут, то он не уедет, а вновь обратится в Верховный Совет и таким образом будет настойчиво добиваться удовлетворения своей просьбы. «Я не думаю, – сказал он, – что Верховный Совет был бы настолько жесток ко мне». С Освальдом продолжает работать переводчица Широкова Р.С.

5 ноября 1959 г. Освальд в беседе с переводчицей Широковой рассказал, что 31 октября он посетил посольство США и там заявил о своем отказе от американского гражданства и сообщил о том, что будет просить Верховный Совет СССР о приеме его в советское гражданство. Принявший его сотрудник посольства «не выразил особой радости и заявил, что это его дело», однако он сообщил об этом журналистам.

1, 2 и 3 ноября Освальда посетило много журналистов, в том числе Стивенс, но он отказался с ними разговаривать.

5-го числа один из журналистов прислал ему письмо с билетами в Театр кукол. Освальд сказал, что собирается отослать обратно этот билет».

4 ноября состоялась новая встреча с Освальдом сотрудника разведки. На этот раз с Освальдом беседовал не сотрудник ОВИРа, а сотрудник «Интуриста», назвавшийся Андреем Николаевичем. Опять говорили о причинах, побудивших Освальда испрашивать советское гражданство, о политических взглядах Освальда, его планах на будущее.

Андрей Николаевич пообещал Освальду помощь с обустройством в СССР и предложил встретиться после ноябрьских праздников, то есть дней этак через пять. Праздники прошли, а Андрей Николаевич так и не появился.

Насторожившись, руководители «Интуриста» обратились в 7-й отдел Второго главного управления за разъяснениями, и вскоре контрразведчики выяснили, что с Освальдом встречался представитель ПГУ и беседовал с ним «на предмет возможного использования за рубежом» (*Дело Освальда. Т. 1. С. 18*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.